

Глава 40. Мать (5)

Двери лифта разъехались, открывая пустую кабину.

Спустя несколько десятков секунд, когда створки уже начали смыкаться, когтистая, покрытая чёрной чешуёй лапа вцепилась в край и с силой раздвинула их. Из лифта вышло двухметровое чудовище.

Оно было полностью покрыто чёрной чешуёй, голова — плоская, без волос, усеянная острыми шипами. Глаза напоминали змеиные, с вертикальными зрачками, а рот, растянутый до ушей, походил на лягушачью пасть. Монстр был одет в удобный, облегающий костюм для кунг-фу, а за спиной у него висели два полуметровых танских меча.

Даже на расстоянии десяти метров Цэнь Цзинь ощущал исходящее от чудовища ментальное давление. Пот неконтролируемо стекал по его лицу, ладони стали влажными. Он так крепко сжимал топор, что костяшки пальцев побелели.

Так вот он какой, Ли Чжэньчжун?

Ли Маньюнь говорила, что жизнепривязанный гу мастера призрачного гу был доведён до уровня короля. Ли Чжэньчжун поглотил этого короля, а затем, под воздействием Матери-Гуаньинь, самой Ли Маньюнь и загрязнения изнаночного мира, превратился в это — ни человека, ни призрака.

«Выглядит как уродливая версия Сяо Лунжэня», — съязвил Цэнь Цзинь.

Внезапно перед глазами всё поплыло, температура резко подскочила, воздух исказился от жара. В одно мгновение Ли Чжэньчжун, только что стоявший у лифта, оказался прямо перед Цэнь Цзинем, заноса над ним меч.

Поток воздуха от лезвия смёл витавшие в воздухе частицы штукатурки и даже рассёк щеку Цэнь Цзиня.

Капнула кровь.

Цэнь Цзинь поднял топор, чтобы блокировать удар. От столкновения с танским мечом топор мгновенно покрылся трещинами и с громким треском разлетелся на куски. Цэнь Цзинь, широко раскрыв глаза, отслеживал траекторию движения Ли Чжэньчжуна. Он применил гравитацию, обрушив её на руку противника и силой изменив направление удара.

Сверкающее лезвие просвистело мимо плеча. Лишь спустя мгновение Цэнь Цзинь почувствовал боль, но к тому времени из руки уже хлестала кровь.

Он отбросил рукоять топора и, оторвав полосу ткани от одежды, перевязал руку, чтобы остановить кровотечение. Мечи Ли Чжэньчжуна вызывали серьёзные опасения.

Они замедляли болевые ощущения и препятствовали свёртыванию крови. Если бы клинок не просто задел плечо, а вошёл в тело, он бы истёк кровью ещё до того, как почувствовал боль.

Ли Чжэньчжун заметил за дверью Мать-Гуаньинь и Ли Маньюнь.

— Все в сборе? — с жадностью произнёс он. — Гуаньинь, почему бы тебе не отдать мне изнаночный мир прямо сейчас? Я обещаю, что вы с дочерью навсегда останетесь вместе.

Ли Маньюнь заслонила собой Мать-Гуаньинь и, гневно глядя на Ли Чжэньчжуна, взмахнула рукой. Красные зонты, невесть как оказавшиеся здесь, посыпались с потолка, и шёлковые пряди чёрных волос мгновенно заполнили комнату.

— Я убью тебя!

Ли Чжэньчжун, держа в каждой руке по мечу, с лёгкостью рубил волосы и с молниеносной скоростью нанёс удар по красному зонту, что незаметно подкрался к нему сверху.

Зонт издал пронзительный визг и, расколовшись надвое, рассыпался на пол потускневшими чёрными прядями.

— Мне на самом деле не хочется вас убивать. Одна из вас — моя жена, другая — дочь. Мы должны были быть семьёй, поддерживающей друг друга. Почему вы не понимаете меня? Я всё делал ради вас, ради нашей общей великой цели — вечной жизни! Думаешь, мне хотелось губить собственную дочь? Я лишь узрел истину этого мира и хотел, чтобы она жила в настоящем мире! — возбуждённо оправдывался Ли Чжэньчжун. — Гуаньинь, нет, Маньюнь, теперь ты моя дочь. А ты, Цзиньюнь, по-прежнему моя жена. Давай начнём всё сначала. Пусть Маньюнь вернётся в твоё чрево, а я поселюсь в её животе, и мы переродимся вместе!

Цзэнь Цзинь опустил рюкзак и вытащил два тесака. Услышав это, он не удержался:

— Высасывать жизнь из жены и дочери, а потом лепетать о счастливой семье — старая добрая песня всех подонков, не так ли, старина Ли?

Мать-Гуаньинь была аномалией, а Ли Маньюнь — чистокровной аномалией, именуемой «яо». Ли Чжэньчжун хотел, чтобы она вернулась в тело Матери-Гуаньинь и снова эволюционировала в «яо». Затем он сам вошёл бы в живот Ли Маньюнь и, вылупившись, успешно превратился бы в аномалию.

Честно говоря, в своём нынешнем обличье Ли Чжэньчжун был уродливее и злее любой аномалии.

— Забыл, тут ещё одно насекомое, — безразлично взглянул на него Ли Чжэньчжун.

— Я жилец с первого этажа, Еюшэнь, — кивнул Цэнь Цзинь.

«Я тебя не спрашивал», — подумал Ли Чжэньчжун, но вслух ничего не сказал. Подумаешь, букашка.

— Сначала разберусь с тобой.

Едва прозвучали эти слова, как Ли Чжэньчжун метнулся к Цэнь Цзиню. Два танских меча вонзились в стену, оставив две длинные, глубокие борозды. Он резко выдернул их. Лезвия, окутанные белёсыми потоками воздуха, рассекли пространство и с яростной силой устремились к поясице Цэнь Цзиня.

Цэнь Цзинь парировал один удар и краем глаза заметил, как второй меч приближается сбоку. Он развернулся, уклоняясь. Тесак для костей и поварской нож двигались без остановки. У него не было ни секунды на передышку, ни возможности применить сверхъестественное искусство. Вынужденный отступить шаг за шагом, он был лишён всякой возможности контратаковать.

Руки заняли до онемения, кисти, сжимавшие ножи, мелко дрожали. Если бы он заранее не окутал руки гравитационным покрытием, кости давно бы треснули.

Сила Ли Чжэньчжуна была чудовищной. Каждый его удар обрушивался с мощью в тысячи цзиней. Цэнь Цзиню казалось, что он принимает на себя удары гружёного грузовика.

Вспышка белого света. Цэнь Цзинь рефлекторно выставил руку для блока. Раздался оглушительный лязг, ладонь пронзила острая боль, ногти мгновенно треснули, а ноготь с мизинца отлетел, промелькнув у самого глаза. Пальцы разжались, поварской нож упал на пол. Силой удара его отбросило в стену.

Стена покрылась паутиной трещин. От мощного удара в спину грудь сдавило, и к горлу подступила кровь.

Оперевшись левой рукой о стену, он согнулся, но всё же поднялся на ноги. Правая рука едва заметно дрожала. Цэнь Цзинь не ожидал, что боевая мощь Ли Чжэньчжуна окажется настолько высокой.

Ли Чжэньчжун высвободил руки из рукавов, рубашка повисла на поясе, обнажая мощный торс. Поразительно, но на месте сердца у него был установлен механический имплант, внутри которого билась четырёхлапая ящерица, похожая на западного дракона.

Стальные сосуды были подключены к телу короля гу, заменяя сердце и раз за разом прогоняя кровь Ли Чжэньчжуна по всему телу, неустанно изменяя и укрепляя его структуру, превращая

его в то, чем он стал.

Помимо трансформации тела с помощью короля гу, Ли Чжэньчжун, очевидно, усердно практиковал боевые искусства и владение мечом.

Его атаки были ужасающе сильны.

Цэнь Цзинь, тяжело дыша, не сводил глаз с Ли Чжэньчжуна, чья скорость была так высока, что он превратился в размытое пятно. Мозг отчаянно пытался отследить его движения. В ушах стоял гул, из носа и ушей текла кровь.

Он поднял раненую левую руку, согнув пальцы в виде когтя, и резко сжал их. Воздух внезапно застыл. Ли Чжэньчжун, несшийся на огромной скорости, внезапно рухнул на землю под давлением невидимой гравитации. Сила нарастала, подобно обрушившемуся океану, рушащимся горам — ужасающая, неодолимая мощь природы.

Под этим чудовищным давлением кости Ли Чжэньчжуна затрещали, на голове выступила кровь, но он, оперевшись о землю, медленно, с невероятным усилием, начал подниматься.

Зрачки Цэнь Цзиня сузились. Кровь из носа и ушей хлынула ещё сильнее, рот наполнился вкусом крови.

Из семи отверстий на его лице кровь текла уже из пяти. Он был на грани ментального коллапса, отсчёт до впадения в безумие начался.

Ли Чжэньчжун резко вскинул голову и взревел:

— Р-р-ра-а-а!

Напряжённая до предела струна его сознания лопнула. Отдача сломала Цэнь Цзиню ребро. Ли Чжэньчжун, хоть и получил серьёзные травмы, мог свободно двигаться. Он возвышался над Цэнь Цзинем, заноса над ним танский меч...

Бам!

Из лифта выскочил человек в белом халате и бросился на Ли Чжэньчжуна. Тот отрубил ему половину тела. В тот же миг Ли Маньюнь, управляя сотней красных зонтов, окружила Ли Чжэньчжуна. Непроглядная стена чёрных волос хлынула наружу, намертво сковав его.

Один из зонтов окутал Цэнь Цзиня и оттащил его к Ли Маньюнь.

— Кха, кха-кха, — Цэнь Цзинь откашлялся кровью. — Спасибо.

— Мама, сейчас или никогда! Убьём Ли Чжэньчжуна! — крикнула Ли Маньюнь.

Мать-Гуаньинь, чьё настоящее имя было Чэнь Цзиньюнь, ответила:

— Хорошо.

Ли Маньюнь убрала зонт. Кровавая луна осветила Чэнь Цзиньюнь. На её чистом, прекрасном лице начали проступать толстые кровеносные сосуды, глаза полностью побелели, придавая ей яростный, свирепый вид.

Тем временем Ли Чжэньчжун разрубил половину зонтов. Повсюду валялись их обломки и чёрные волосы. Запутавшись в этих презренных муравьях и получив ранения, он пришёл в ярость и издал оглушительный рёв.

В тот же миг яростно взревела и Мать-Гуаньинь.

Услышав зов, монстры со всех этажей, кто на лифте, кто по лестнице, кто карабкаясь по внешней стене, хлынули внутрь. В мгновение ока они заполнили коридор и комнаты.

Призрачные тени, люди в белых халатах и неудачные эксперименты-мумии с шестого этажа встали на сторону Матери-Гуаньинь. Подопытные с третьего этажа, рой насекомых гу и монстры-наёмники с седьмого этажа примкнули к Ли Чжэньчжуну.

Красный зонт, словно река Чу, разделил их на два враждующих лагеря.

Одновременный рёв Матери-Гуаньинь и Ли Чжэньчжуна прозвучал как боевой рог. Десятый этаж превратился в поле битвы монстров. Красная луна равнодушно взирала на абсурдную, жестокую и кровавую бойню.

Тело Матери-Гуаньинь было слишком огромным и неповоротливым, но эта гора плоти служила превосходной защитой. Ли Чжэньчжун, размахивая двумя мечами, двигался проворно, но некоторое время ничего не мог поделать с массивным телом противницы.

К тому же, Ли Маньюнь то и дело нападала из засады. Стороны сдерживали друг друга, и на время установилось шаткое равновесие.

Цэнь Цзинь сидел на подоконнике, превозмогая огромное ментальное давление. Скопление монстров вызывало сильные колебания ментального загрязнения. Он не смел дышать полной грудью, грудная клетка болела.

Кровь из носа текла не переставая. Он небрежно вытер её и, оторвав две полоски ткани, заткнул ноздри.

Подняв голову, он, рискуя жизнью, продолжал напрягать свой разум, наблюдая за движениями Ли Чжэньчжуна и запоминая их.

Прошло около получаса. Битва была в самом разгаре, повсюду валялись разорванные тела и части конечностей. Мать-Гуаньинь была вся в крови. Тело Чэнь Цзиньюнь покрылось чёрными сосудами, она схватила оторванную руку Ли Чжэньчжуна и принялась грызть её.

Ли Чжэньчжун, видя, что дело плохо, развернулся и бросился бежать.

— Не смей бежать! — крикнула Ли Маньюнь.

Она метнула свой красный зонт, который вонзился Ли Чжэньчжуну в спину и прошёл сквозь грудь, едва не задев сердце. Ли Чжэньчжун взвыл от боли, выдернул зонт и нанёс ответный удар в сторону Ли Маньюнь.

Этот удар, несущий в себе мощь рушащихся гор и вздымающихся морей, рассёк десятый, девятый и восьмой этажи надвое и устремился прямо к голове Ли Маньюнь.

Увидев это, Цэнь Цзинь бросился к ней. В тот же миг Чэнь Цзиньюнь отшвырнула руку и, волоча своё огромное тело, заслонила их собой. Удар рассёк её пополам, оставив лишь тонкий слой плоти, соединяющий две половины.

Мать-Гуаньинь получила смертельную рану, но Ли Чжэньчжун не осмелился задерживаться. Он открыл красный зонт, прошёл сквозь стену чёрных волос и вернулся в реальный мир, чтобы скрыться.

Ли Маньюнь, забыв о преследовании, бросилась к Чэнь Цзиньюнь, пытаясь её спасти.

Несколько неразрубленных людей в белых халатах принялись оперировать Мать-Гуаньинь. С огромным трудом им удалось временно спасти ей жизнь, но это была лишь отсрочка, долго она не проживёт.

Все эти аномалии, полагаясь на Мать-Гуаньинь, осмелились подать сигнал мести Ли Чжэньчжуну. Теперь же Мать-Гуаньинь была на грани гибели, а Ли Маньюнь — всего лишь получеловек-полудемон. Кто сможет противостоять Ли Чжэньчжуну?

Следующая кровавая луна взойдёт всего через четыре месяца. Кто сможет остановить полностью восстановившегося Ли Чжэньчжуна?

В одночасье десятый этаж погрузился в мрачное уныние.

В реальном мире, скрываясь и залечивая раны, Ли Чжэньчжун провёл четыре месяца.

Ночь кровавой луны, время пришествия демонов.

Ли Чжэньчжун знал, что в старое здание пробралось много мелких букашек, но не спешил их уничтожать.

По сравнению с грязными, надоедливymi насекомыми, его план был куда важнее.

Четыре месяца назад, сбежав из изнаночного мира, он спешно начал подготовку. И сейчас он чувствовал, что монстры в здании пробудились, особенно наёмники с третьего этажа, в которых были внедрены насекомые гу.

При виде кровавой луны эти наёмники начали пожирать друг друга. И всё это происходило именно на третьем этаже.

Там же он разводил большую группу подопытных — лучшую пищу для насекомых гу. Этого хватит, чтобы они наелись досыта.

Ли Чжэньчжун спустился на лифте на третий этаж и увидел огромный шар из кровавой плоти, который раздавил стены. Король гу в его сердце бешено забился, предвкушая пир.

Он расплылся в лягушачьей ухмылке, слюна капала на пол.

— Пища, которую я так заботливо растил больше года...

Ли Чжэньчжун бросился к мышечному шару и принялся жадно его пожирать. Лица, погребённые в массе плоти, издавали отчаянные вопли и мольбы о помощи, но никто не откликнулся. Они стали лишь пищей для Ли Чжэньчжуна.

Насытившись, он отправился на пятый этаж, схватил всех членов клана Ли и приказал людям в белых халатах готовить его к операции.

Раны зажили, мышечный шар послужил отличным питанием, ускорив эволюцию короля гу. В ночь кровавой луны, используя кровь, головы и конечности своих сородичей для трансформирующей операции, он сможет превратиться как минимум в... новый вид, не уступающий по силе высокоуровневой аномалии!

Ли Чжэньчжун лежал на операционном столе с безумным выражением лица. Он не слышал криков и мольб членов своего клана. В его глазах отражались лишь плоды его многолетних амбиций. С того самого дня, как он узнал правду о мире, его первым шагом было принесение в жертву собственной дочери.

Он тайно, шаг за шагом, вложив всё своё состояние в изучение аномалий, пришёл к одному неоспоримому выводу: так называемые аномалии — это высшие виды, существующие на Земле!

А раз это виды, значит, он может их использовать.

Сверхъестественные искусства, превосходящие человеческие возможности, вечная жизнь... Он хотел получить всё.

Во всём виноваты боги. Это бессмертная богиня-мать соблазнила его.

«Я столько всего отдал, я заслужил, чтобы мои мечты сбылись!» — думал Ли Чжэньчжун.

Тем временем в изнаночном мире.

Ли Маньюнь, глядя на умирающую мать, стиснула зубы.

— Я сейчас же пойду и убью Ли Чжэньчжуна.

Все монстры, глядя на неё, расступились.

Они знали, что, пойдя за ним, Ли Маньюнь погибнет, но не стали её останавливать. Убить Ли Чжэньчжуна, стереть его в порошок — это была единственная навязчивая идея, которая собрала их здесь.

— Тебе не нужно идти.

Ли Маньюнь обернулась и посмотрела на желтоволосого монстра в углу. Сняв маску, тот оказался обладателем чистого, красивого лица, очень похожего на человеческое.

Конечно, он не был человеком.

Человек не может быть таким психопатом.

— Ты не сможешь убить Ли Чжэньчжуна, — холодно заметила Ли Маньюнь.

Она думала, что желтоволосый так уверен в себе из-за своих выдающихся способностей, но оказалось, что он просто хвастун, которого Ли Чжэньчжун избил до полусмерти.

— Кто сказал? — желтоволосый поднял голову. Его чистый подбородок был в запекшейся крови, но он улыбнулся Ли Маньюнь и окружающим её монстрам. — Я ещё не выложился на полную. Не смей сомневаться в моём профессионализме.

Выражение лица Ли Маньюнь слегка изменилось. Её поразило, что за этой спокойной, безобидной улыбкой скрывается неукротимое безумие, готовое вырваться наружу. Этот желтоволосый монстр казался готовым вот-вот сломаться.

Он был в сто раз страшнее её матери в момент срыва.

Желтоволосый, пошатываясь, поднялся на ноги, прижал левую руку к сердцу и сказал:

— Ведь мой босс — бог.

<http://bllate.org/book/13658/1589546>